

***ГЛАВА ШЕСТАЯ.
ПРЕКРАСНЫЕ ЖИВОТНЫЕ***

Фото из Интернета

5 сентября 2012

ЗАБОТА О ПРИРОДЕ

Наш «капитан маршрута» и водитель по совместительству вдруг резко затормозил и развернул машину: по полю пробежала лиса. Он, выросший в Петербурге, много лет живет в Германии и все еще не может привыкнуть к доверию животных людям, гармонии человека и природы. Много раз вдоль дороги нам встречались соколы – хозяева полей, зорко высматривающие свою добычу. Нам удалось даже сделать фото сокола, взлетающего с «катушки» соломы на одном из полей.

В княжестве Люксембург построены зеленые мостики для животных через автомагистраль (Автобан). Вдоль дорог во Франции и Германии стоят знаки: «Осторожно, косули» или «Осторожно, овцы». Недалеко от железной дороги в Бремене пасётся косуля. В Мюнстере под монорельсовой дорогой бегают зайцы. Зайцев я видела и в садах жителей Оснабрюка.

Удивляет большое количество собак: очень много маленьких собачек, но есть и большие – разных пород. Собаки тихие, воспитанные, редко в намордниках. В городах установлены специальные контейнеры для уборки отходов за собаками. (Информация для их владельцев размещена на специальных стойках).

Воду в Германии можно пить из-под крана – она свежая, чистая, приятная.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ И БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

*...Счастлив тем, что братьев наших меньших
никогда не бил по голове...
(С. Есенин)*

– Зося – хозяйка!

Зося повесила голову и поплелась от входной двери обратно в комнату. Сказанное означало, что на улицу ее не возьмут и быть ей дома за главную.

Зося – брюссельский грифон.

– Я никогда не запомню это сочетание слов.

– А ты запомни «капуста-птица».

Подруга решила, что сильно облегчила мне процесс запоминания.

Зося маленькая и смешная. Ей шесть месяцев. Брови, усы, борода – пучки волос рыжевато-золотистого окраса, несоразмерно длинные относительно остальной растительности на ее теле, делают морду Зоси похожей на шарик одуванчика. Словом, Зося еще щенок, и ей не хочется быть хозяйкой, а хочется быть с хозяйкой.

Скоро, года через полтора, Зося вырастет, у нее появятся детки-щенки, и у меня, быть может, тоже поселится собака породы... (как же? ах, да – «капуста-птица!») брюссельский грифон.

С рождения и на протяжении жизни мы неразрывно связаны с живой природой. Пространство и предметы, реалии быта, персонажи живой природы – все это обеспечивает ребенку целостность и единство восприятия действительности. В давние времена мамы напевали малышам колыбельные. Представляется, что и сейчас эта традиция не совсем исчерпала себя, хотя заметно изменился песенный материал. Непременные герои колыбельных песен – котенька-коток, гули и ласточки, петя-петушок – успокаивают, убаюкивают, помогают маме уложить дитя. А не засыпает малыш, балуется – и волчком можно приструнить, что укусит за бочок. А дальше – пестушки, потешки, прибаутки, песенки и детские игры. И везде – многоцветный, разнообразный, затейливый мир живой природы, где дитя – как рыбка в воде.

* Н.В. Румянцева

Во многом благодаря этим первым впечатлениям и формировалось прежде отношение ребенка к миру живой природы. Он не представлял угрозы для малыша, был ему дружелюбен и органичен с младенчества. Иное сейчас. В рассказе «Рогдай» В. Домничева первая встреча ребенка и щенка носит драматический характер. Для малыша щенок дога – дикое и страшное животное, сопоставимое с собственным ростом. Призывы родителей: «Не бойся» – не могут быть услышаны испуганным ребенком. В рассказе первая встреча с собакой обернулась стрессом для мальчика. Но нет худа без добра, маленький человек «отбоялся», видимо, на всю жизнь, а впоследствии полюбил собак и не испытывал страха перед ними никогда.

Здесь становятся очевидными несколько вопросов. Что должны учитывать взрослые, становясь участниками встречи ребенка и животного? О чем (или о ком) надо позаботиться в первую очередь? Как помочь осуществить дружелюбное общение детей и животных?

А как уберечь домашнего питомца от стрессовой для него ситуации, как подготовить к встрече с опасностью, грозящей его любимому хозяину? Не оставляет равнодушным рассказ Татьяны П. «Отважный Мишка»! Бывают ли животные – герои? По мнению автора – безусловно, да.

Люди, имеющие домашних питомцев, по-моему, меняются. Становятся более внимательными, тонкими. Они научаются чувствовать тех, кто рядом с ними, кто все понимает, только не говорит. А со временем хозяин и его питомец осознают свою похожесть. «Мы... оба не уважали поводок, – говорит герой рассказа А.И. Иванова «Альфа», – ведь ты и я одной крови!». Иногда человек с удивлением обнаруживает, что животные понимают не только команды, но живой поток человеческой речи. В том же рассказе собака радостно бежит в прихожую, услышав разговор хозяев, что надо бы сходить в сад, работа есть, да и на природе побыть хочется.

Рассказы, помещенные в этой главе, населяют разнообразные животные. Каждый обитатель этого мира живой природы индивидуален, наделен только ему свойственными чертами. Огромный гнедой мерин-тяжеловоз с ласковым именем Орлик, кошка Феня, похожая на яблоко, чёрная, лохматая псина Фрося, пес Мишка с спокойным, весёлым характером и добрым сердцем, – все эти герои помогают, охраняют, забавляют, напоминают, мирят поссорившихся, удивляют, любят своих хозяев и вообще людей, лечат, утешают, заботятся...

У К.Г. Паустовского в рассказе «Заячьи лапы» герой говорит: «Что ребенок, что заяц – все одно» и добавляет: «Живая душа». Герой рассказа Ваня Малявин принес ветеринару зайца с обожженными на пожаре лапами – с просьбой полечить. «С луком

зажарь – деду закуска будет», – был ответ. Сердобольная соседка посоветовала отправиться в город к врачу-педиатру. Тот поначалу тоже отказывался лечить зайца («Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев»), но после рассказа деда Вани Малявина о событиях на пожаре – согласился. Отношение к животным, к более слабым и беззащитным раскрывает меру человеческого в человеке. «Полечи, яви милость!» – уговаривал дед педиатра. Милосердие – то, что отличает врача от «коновала», человека душевного от бесчувственного.

Все рассказы главы «Прекрасные животные» носят характер документального свидетельства. Они созданы не профессиональными писателями, и, тем не менее, возникает ощущение реальности и правдивости, эмоциональной достоверности описываемых событий.

«Не обижайте её (бездомную собаку – Н.Р.) и, если возможно, станьте её хозяином – она будет самым верным вашим защитником и другом» (А.И. Иванов «Альфа»). Эти слова – обращение к читателям, обращение к сердцу: «Яви милость!».

РАССКАЗЫ О СОБАКАХ

Татьяна П.

ОТВАЖНЫЙ МИШКА

У одного доброго человека, нашего соседа, воспитывалось много собак. Иногда он с ними гулял, вызывая интерес и умиление окружающих. Пожилой человек был статен, задумчив. Моя дочь как-то разговорилась с этим замечательным господином и познакомилась с его большой собачьей сворой-семьей.

Наш герой – пес по имени Мишка – родился у мамы-пинчера. Вырос он красивым, умненьким, ласковым, воспитанным, но трусливым.

Так они и познакомились: моя дочь и годовалый песик. Симпатия с первого взгляда бывает и у людей, и у животных. Так в нашем доме появился красавец Мишка: коричневый, лохматый (очень любил, когда его причесывали), спокойный, с весёлым характером и добрым сердцем.

Полюбил он свою молодую хозяйку безусловной любовью, безмерно радовался её приходу домой, на прогулках распускал, как флаг, свой хвостик-веер. Дочка много работала, пес же скучал. Что ж сделает любящий хозяин в такой ситуации? У Мишки появилась подружка – щенок в возрасте 2 месяцев. На Мишке малышка-собачка спала, играла с его пушистым хвостиком, грызла сухари. Терпеливый пёсик стойко переносил

покусывания подраставшей подружки-собачонки... Собаки были послушными, веселыми, преданными...

Во дворе на прогулке Мишка защищал своих собачку и хозяйку, лая, как Моська на слона (по дедушке Крылову), на каждого, приближающегося к ним, будь то собака или человек, даже знакомый. Если встречный не пугался, малыш прятался за ноги хозяйки.

Так было и в это пасмурное декабрьское утро. Как всегда, пёсик свободно и радостно бегал по своему двору. Вдруг из-за угла выскочила огромная черная собака (похоже, это был ротвейлер). Наш Мишка оскалился и залился звонким лаем, защищая своих девочек, а вот добежать до хозяйки не успел: сердце малыша не выдержало такого стресса, но страх его душа победила!

Бывают ли героические собаки? – Конечно! Все живые существа чего-то боятся в той или иной степени. Смелые преодолевают свой страх. Наш Мишка стал смелым псом...

С нами осталась собачка, которая теперь при виде любой большой собаки, особенно черной, пугается, лает, сердечко ее панически бьется. Хотя она всегда на поводке. Это же город, здесь взрослые должны оберегать своих питомцев...

А.И. Иванов

У МЕНЯ БЫЛА СОБАЧКА

«Тарзан»

– Дяденька, возьмите собачку!

Это, кажется, мне. У довольно людной тропы, соединяющей район жилой застройки «Аэродром» и Красноармейское шоссе, три девочки играют с маленьким и очень лохматым щенком.

– Нет, девочки, мне собачка не нужна. Да у него, наверное, есть хозяин, который будет его искать.

– У него никого нет, он уже три дня живет в нашем подвале.

Щенок заинтересовался нашей беседой и решительно направился в мою сторону. Он как будто ожидал от меня положительного решения. Я погладил его по мохнатой головке, потрепал за уши и пошел дальше. Пройдя несколько десятков метров, я почему-то оглянулся назад. Так и есть! Это существо вприпрыжку догоняет меня.

– Куда же ты, глупый, там для тебя очень опасно, – внушал я ему, возвращая беглеца обратно. Но у перехода через улицу он опять у моих ног!

– Ах ты, мазурик! – возмутился я, но взял его на руки и перенес через дорогу. А теперь куда?

Я сказал ему, что он нехороший мальчик, и еще какие-то слова внушения. Он прижался к моим ногам, положил мордашку на лапы, покорно выслушал, но дальше... мы пошли вместе. Вот так он выбрал себе хозяина и поселился в нашем садовом домике.

Для начала он обошел участок по периметру, помахал хвостиком соседу, преодолев неглубокую, разделительную канаву, заглянул к другому соседу, откуда за ухо был возвращен обратно. Это помогло ему понять, что его власть распространяется на территорию между разделительными канавками.

После этого он долго рассматривал кур, которые гуляли в огороженном штакетником вольере. Это любопытство не понравилось петуху, ревностно охранявшему покой своих подруг. Получив хорошую взбучку, щенок вынужден был отложить дальнейшее знакомство, а любопытный нос позволить обработать зеленкой.

Куры уходят спать рано. Их место в вольере занимают кролики. Вот это другое дело! От них пахнет молоком, да и шерсть напоминает что-то родное-родное. Но взаимности и здесь не получилось. И, более того, одна из крольчих, изловчившись, задней лапой откинула его прочь.

Соседской детворе он понравился, и кто-то назвал его Тарзаном. Ну, что ж, Тарзан так Тарзан. Сейчас он мал, а вырастет – будет таким же сильным и ловким, как Тарзан. Но недолго щенок носил это имя. Его пришлось заменить на женское – Альфа.

Шло время, щенок рос и к осени превратился в молодую, но довольно крупную собачку. Она старалась всегда быть рядом. И так мы незаметно стали друг другу нужны. Я не пытался её чему-то учить, да и не умел этого делать. Мне кажется, она сама старалась понять и определить свои обязанности. Она очень старалась. Но... В любом деле не нужно спешить!

Вечером, помахивая прутиком, я загонял кур спать. Альфа решила мне помочь. Она видела, как я прутиком направлял их к курятнику. Может быть, потому, что у Альфы не

было прутика, а куры не понимали собачьего языка, они разлетелись по соседним участкам. Мы долго пытались вернуть их.

Собака поняла свою оплошность. Её низко опущенная голова и глаза, выражающие раскаяние, как бы говорили: «Простите, я же не думала, что так получится». В дальнейшем загонять кур стало её обязанностью, и делала она это аккуратно и грамотно.

Осень. Конец дачного сезона – возвращаемся на зимнюю квартиру. Только теперь, преодолевая трёхкилометровый путь домой, я понял, как Альфа отстала в понимании окружающего. Для неё – всё ново! Речку и такое обилие воды она видит впервые. Долго наблюдала за маленькими рыбёшками, хотела поиграть с ними, но это закончилась падением в воду. Пришлось полаять на купающихся мальчишек.

Вечер, но ещё довольно жарко – решил искупаться и я. За этот поступок тоже был облаян! Но... войдя в воду, нырнул и проплыл несколько метров под водой. А что же Альфа? Она с третьей попытки бросилась в воду и поплыла к тому месту, где я исчез. Когда моя голова появилась над водой – она бросилась ко мне, лизнула в ухо и поплыла к берегу. Присутствующие зрители одарили её аплодисментами.

Накупавшись, мы двинулись дальше. А это что за бугорок свежей земли? Там оказался крот. Вот с ним-то можно и поиграть! Но крот живёт в земле и на поверхность не выходит, поэтому долго быть партнёром в играх не смог. И опять повинная поза: «Простите, я же не знала, что так получится».

На новой квартире

Здесь все ново и интересно. Одно плохо – трудно привыкнуть к постоянному окрику: «Нельзя». Но это не стало большой проблемой. Если нельзя отрывать обои или делать что-то другое, то запрет повторять не нужно и, более того, она сама понемногу стала соображать, чего делать не стоит.

Скоро у неё выработался распорядок дня, и я вынужден был учитывать это, строя свой. В 7 утра она должна была гулять. Но в выходной так хочется ещё полежать! Тогда она садилась у кровати и своими действиями давала понять, что уже время выходить. «Ничего, – думал я, – подождёшь немного». И опять засыпал.

Альфа спала на коврикe около кровати и усвоила все мои первоначальные утренние действия. Она запомнила – при подъёме нужно надеть лежащие рядом носки. И вот однажды сквозь сон я почувствовал – кого-то заинтересовал мой нос. Я открыл глаза... Так это же она, держа в зубах носок, тычет им мне в нос. Значит, надо вставать! Таким же образом она будила меня среди ночи, когда в этом возникала необходимость.

Я её не учил, но утром она всегда подавала мне два носка. Если я куда-то уходил, а она оставалась дома, то при возвращении я получал один тапок. Пытался внушить ей, что мне нужно два тапка, но напрасно – она решила, что достаточно одного.

Похоже, собака способна общаться с человеком, понимая произносимые им слова, и принимать решения.

Сегодня выходной. Погода по всем параметрам летняя – солнечная и умеренно теплая.

«После завтрака нужно пойти в сад, – предлагаю я, – там есть работа, да и побыть на природе приятно». Лежавшая рядом Альфа покидает своё место и уходит в прихожую. Она готова идти. По утрам она внимательно следит, какую одежду я надеваю. Если ту, в которой работаю в саду, – она уже ждёт в прихожей.

– Сегодня у меня мало времени, – говорю я жене, – но я зайду в сад. Альфу взять не могу. Пусть побудет дома.

Она всё понимает. Для неё это самый тяжёлый момент! Она уходит в спальню – там под кроватью место её уединения.

Вечером нужно гулять Я не знаю, какими часами она пользовалась, но ровно в 21.00 – она рядом и готова идти.

– Альфа, мне же нужно посмотреть «Последние Известия». Подожди немного.

Она согласна, и, удобно устроившись под моим стулом, терпеливо ждёт.

Альфа

Её уже нет, но в моей памяти она жива, и мне непонятно, почему природа наделила её способностью понимать, но не научила говорить. Может быть, это не обязательно – для общения с человеком достаточно действий. И всё же...

Ночью с меня кто-то стягивает одеяло.

– Альфа, не мешай спать! Скоро утро – подожди немного!

Но одеяло опять поползло.

Возмущённый её действиями, я приподнялся – она сразу же побежала в другую комнату. Что-то случилось? Я пошёл за ней, а там на полу лежит моя жена. Ей стало плохо, отключилось сознание, и она упала. Вызываю «Скорую». И только благодаря этому лохматенькому существу помощь была оказана вовремя.

В семьях бывают ссоры. Наша – не исключение. Ссора возникла у телевизора. Альфа, на всякий случай, уходит под кровать.

– Ну, что же они там затянули конфликт? – так, наверное, думала она и опять пришла к нам. Мы сидим на диване, между нами – нейтральная полоса. Собака ложится на неё – голову кладёт на колени жене, остальное – мне. Нам стало приятно и смешно – ведь это же миротворец! Конфликт исчерпан.

Осень. На заднем сидении велосипеда что-то везём домой. Как всегда, всё собрали, упаковали, и – вперёд! Но что происходит? Альфа чем-то недовольна – рычит и за штанину пытается стянуть меня с велосипеда. Я готов сломать прут и наказать её. Но Альфа, умница Альфа, заметила, что у меня на багажнике нет постоянно стоявшей там корзины. Пришлось возвращаться.

Зима. Решили проведать свой садовый участок, да и отвезти что-то не нужное, но ещё способное пригодиться в хозяйстве. Всё уложено на сани и увязано, но один из пакетов опоздал. Не развязывать же всё! Подсунули под резиновый шнурок, ведь путь не так далёк – уцелеет. Наш путь – по лесной дороге. Свежий снег, тишина, да и воздух – какой-то особенный. Альфа немного отстала, на кого-то лает. Ничего, догонит! Но расстояние между нами всё увеличивается, а она всё лает, и всё на том же месте. На мой условный свист не реагирует.

– Ну, погоди!

Только теперь я заметил, что опоздавший свёрток исчез. Альфа это увидела и, оставшись у потери, звала меня. Я готов был выразить ей свою признательность, но она скромно побежала впереди.

За девять лет её жизни она была моим самым лучшим, преданным другом и помощником. Мы всегда были вместе, и оба не уважали поводок. Она всегда была у моей ноги. Она научилась ориентироваться в городской обстановке. Не уверен, что она понимала сигналы светофора, но переходить дорогу самостоятельно не пыталась.

Говорят – собаки злые. Неправда! Собака в своём начале – добра и восприимчива. Она понимает своё предназначение – служить хозяину, угождать ему. Она, как ребёнок, старается копировать его и, в некоторой мере, перенимает его характер.

Посмотрите на собаку, по каким-то причинам оставшуюся без хозяина. Она смотрит на вас такими просящими глазами, что хочется хотя бы погладить её. И она вам это разрешит. Природа определила место её проживания – рядом с человеком, и если она осиротела, то никогда не станет волком и не уйдёт в лес. Не обижайте её и, если возможно, станьте её хозяином – она будет самым верным вашим защитником и другом.

Человек предчувствует свою кончину. Это я могу утверждать по опыту участия в боевых действиях Отечественной войны. Собака не исключение. В её последний день она была совсем другая. Я оставлял её дома, но она, единственный раз, ослушалась, догнала меня. На обратном пути её умышленно сбили машиной.

Это была трагедия для всей нашей семьи.

Е.А. Иванова

ФРОСЯ И ЦЫП

Холодильник был старый и толстый. Он уже давно не рычал. Рычал другой – молодой и поджарый. На кухне. Из нового, кухонного, Хозяйка доставала разные вкусные вещи. А этот уже давно стоял на балконе и работал шкафчиком. От этого балконного стояния на его округлых боках кое-где появились подпалины ржавчины. Как у знакомого уличного кобелька Ёжика.

Хозяин и Хозяйка хотели вынести бывший холодильник на улицу, и даже протиснули его обратно в комнату, но вдруг передумали.

Фрося, чёрная лохматая псина, в младенчестве подавала большие надежды, обещая стать чёрным терьером. Но тоже, вероятно, передумала и стала просто лохматой, чёрной псиной. Впрочем, очень умной и преданной. Что, может быть, и к лучшему – кто его знает, каким бы получился терьер.

Так вот, Фрося, обнюхивая этого «старого и с подпалинами», гадала: зарычит – не зарычит? Кто их знает, этих уличных холодильников...

Хозяин, открыв дверцу, что-то делал там внутри, и собака, неодобрительно фыркнув и гавкнув для порядка на паяльник, решила не вмешиваться и ретировалась в надёжное место – под хозяйскую кровать.

И вскоре холодильник ожил. Только теперь он не рычал, а урчал. И ещё иногда щёлкал. Вот что значит Хозяин – кого угодно может приручить!

Хозяин что-то объяснял Хозяйке про инкубатор и реле, но зачем Фросе забивать себе голову какими-то ненужными словами, когда и так дел невпроворот? То на дачу, то с дачи, да ещё следы, чтобы какую-нибудь корзину с рассадой не забыли. А если её саму дома оставят! В общем, и так – сплошные переживания! Ну их, эти новые слова!

А потом люди принесли целую коробку яиц. И опять новое слово – птицефабрика. На этой фабрике птиц, что ли, делают? Вот, наверное, откуда берутся Фросины давние недруги – вороны! Так может быть, и яйца вороны?

Вспомнилось, как приходится на даче охранять свою миску. Стоит отвернуться, и поминай как звали любимую косточку. Да ещё и дразнятся!

Фрося совсем уже было собралась обляять непонятные яйца, да передумала. Запах-то приятный. А вороньи – наверняка противно пахнут. Какими-нибудь духами или бензином.

Вильнув как бы невзначай хвостом и проследив, как плотно закрывают дверцу холодильника-инкубатора, Фрося улеглась сторожить. Сама назначила себе такое послушание. Причём в свободное от основной работы время. Может, потому и не уберегла.

Хозяйка всё сокрушалась и ругала какого-то Перепада Напряжения. Правда, Фросю не ругала. А кто он такой – этот Перепад Напряжения? Фрося его не видела. Наверное, он очень хитрый – даже запаха не оставил. Впрочем, и яиц не взял, но, как говорила Хозяйка, рассматривая каждое на свет – все перепортил. Но Хозяин сказал, что пусть полежат. А вдруг – не все!

И псина, продолжая нести своё добровольное послушание, с горечью наблюдала, как каждый день из инкубатора выбрасывают по несколько яиц. Правда, перед этим выполняют странный ритуал. Сначала через них смотрят на свет. Потом нюхают и смешно морщат нос, прямо как друг Ёжик, когда Фрося, накануне вымытая шампунем, подходит с ним поздороваться. Как будто ей нравится этот шампунь! Вот яйца-то как раз пахнут гораздо приятнее, чем раньше. Но их почему-то всё равно выбрасывают.

И вот, однажды, когда Хозяин достал последнее яйцо и, по пути к мусорному ведру, забыл на него посмотреть, тут уж Фрося не удержалась.

Во-первых – непорядок. Её-то вот дрессируют! Учат выполнять ритуалы! То – сидеть, то – рядом, то – фу! А сами!

Во-вторых – яйцо-то пахнет не так хорошо, как все остальные! И потом, там же кто-то живёт!

Ну, не удержалась Фрося! Залаяла на Хозяина.

Но он не рассердился, а похвалил собаку и вернул яйцо на прежнее место.

Вот тут началась настоящая служба! Теперь Фрося твёрдо решила, что уж к этому яйцу никакого Перепада Напряжения близко не подпустит!

И не подпустила! Хорошо ещё, что сторожить пришлось недолго. Ведь главную-то работу за неё никто не сделает! За хозяевами глаз да глаз нужен! Чуть не доглядишь, так и норовят в разные стороны разбежаться. Конечно, тоже по своим, по-человечьим, делам. Но Фросе-то что прикажете делать? Надвое ведь не поделишься.

Хорошо, когда Хозяйка дома. Ей и инкубатор ненадолго можно доверить. А уж Хозяина сопровождать – не работа, а удовольствие! Он-то на дачу пешком ходит. Через лес. А там...

Хозяйка потом рассказывала, что долго не могла понять, что это за писк. И радио проверяла, и на балкон выходила – не с улицы ли? Не сразу догадалась. По запаху, что ли, не могла? Хотя какой там нюх у людей – в двух шагах ничего унюхать не могут! Что бы они без Фроси делали! Но всё же догадалась. Открыла холодильник, а там кто-то мокрый и скользкий в скорлупе барахтается. Хорошо ещё – с полки не упал!

Фрося, когда домой вернулась, сразу всё поняла, кинулась в комнату, и вдруг замерла на пороге. Цыплёнок (это Хозяин сказал, что его так зовут), страшенький, со слипшимся, клочковатым пухом, покачиваясь на широко расставленных ножках, сидел на ковре. Огромные, вылупленные глаза маленького уродца были полузакрыты. Казалось, птенец хочет рассмотреть что-то внутри себя.

Фрося осторожно двинулась к Цыплёнку. Чёрный замшевый нос заходил ходуном, хвост – в струнку. Конечно, хозяев можно понять. Они-то знают Фросину охотничью стойку. Хозяин даже пытался придержать её, а Хозяйка кинулась к малышу. Но Фрося и не думала охотиться. Она всё же успела дотянуться, лизнуть. Нет, на щенка, конечно, не похож, но всё же... Тёплая волна колыхнулась где-то под брюхом, толкнула за грудиной. Наверное, это и есть сердце. Фрося умная – знает про сердце. Хозяева всё говорят: «сердце радуется», «сердце болит», «на сердце спокойно» или «...не спокойно». Вон оно как забилося – сейчас выпрыгнет. А потом та самая тёплая волна укрыла, согрела сердце, успокоила дыхание. А язык сам всё вылизывал и вылизывал уродца. Причёсывал, расправлял, разглаживал по-дурацки торчащий пух.

Хозяева быстро поняли, что не будет Фроська никого есть, успокоились и занялись приготовлением нового дома для Цыплёнка. А собаке доверили воспитание.

Ох, и нелёгкое это дело – воспитание. Щенки – народ предсказуемый, с ними-то Фрося всегда легко справлялась. А от этого никогда не знаешь чего ожидать. Не успел на свет появиться и толком обсохнуть, а уже по всей квартире расхаживает. Вот, чего ему в гнезде не лежится? Там так всё уютно устроено – коробочка, тряпочки, мисочки с водой и едой. Хозяева постарались. Лежи да отдыхай! Хотя, конечно, что это за еда! О чём только думают эти люди! Сами-то пробовали то, чем ребёнка кормят? Фрося попробовала. Ужас! А он ест – и ничего! Глупый ещё. Правда, из Фроськиной миски тоже ест. Но она и не возражает, даже сама его подсаживает, нос подставляет. Цыплёнок прыгает на собачий нос, на край миски – и уже там. Обратно так же. А потом по комнатам вышагивает и что-

то всё собирает. Всё в рот тянет – просто беда с ним! За день набегаясь, намотаясь с Хозяином. Хочется упасть и спать до следующего утра. Да не тут-то было.

Нет, конечно, Фрося несколько преувеличивает. Сначала всё было спокойно. Птенец сидел в своей коробочке, прижавшись к грелке, завернутой в полотенце, а Фрося – рядом. Только вскидывалась на его копошение и попискивание, заглядывала в коробку – всё ли в порядке, да так и задрёмывала в гордой позе Сфинкса (это так Хозяйка сказала): сама на полу, а голова на краю коробки. Но скоро Цыплёнок стал отодвигаться от грелки всё дальше и дальше, и однажды, когда собака взялась его вылизывать, вспрыгнул на собачий нос. Так, на Фроськином носу, и выбрался из своего жилища.

Вот тогда-то и закончилась спокойная жизнь: везде-то он бродит, всюду-то он лезет, всё-то ему знать надо! А Фросин нос неотлучно следует за бродягой по пятам. Иногда даже рыкнуть приходится. Был бы щенком – сразу бы уши прижал. А этому – хоть бы что!

Правда, бывают и спокойные моменты. Умается воспитанник, снова на собачий нос вспрыгнет, по морде проществует на макушку и там угнездится прямо между ушей. Вот тогда наступают редкие минуты тихого, идиллического счастья. Можно, наконец, растянуться и отдохнуть от дневных забот. Спит Фрося, спит Цыпа. Фрося осторожно, чтобы не сбросить птенца, на бок откинется – Цыплёнок на плечо переберётся. Собака прикроет его мохнатым ухом, как одеялом – так и спят до утра.

Ах, как сладко после дневных тревог и забот погрузиться наконец в дремотную негу, вспомнить щенячьи радости детства, мягкий мамин бок, аромат молока на губах и мамин тёплый, ласковый язык, вылизывающий уши, щёки, нос... нос... Ой, почему так настойчиво? Нос! Что у Фроси с носом?!

Цыплёнок сидит на переносице и долбит жёлтым клювиком по только что вылизанному мамой носу. Глаза наконец открылись. Да! Это же Фрося теперь мама! Мама? Вот ЭТОГО? Собака тяжело вздыхает. День начинается.

И опять – следом, следом, следом. Ну, почему он не щенок?!!

День, другой, третий... Закрывать своим телом балконную щель, чтобы не свалился, доставать из-за дивана и из ботинок Хозяина, чтобы не раздавили ненароком, выуживать из собственной миски с водой – ну, сколько можно? Пусть сидит в своей коробке! Так решили хозяева. И это правильно! Фрося с ними согласна. А под хозяйской кроватью ей и так неплохо.

Наконец-то! Одна! И не надо сдерживать себя во сне – можно лечь, как угодно. Можно рухнуть на бок, можно перевалиться на другой, можно даже «побегать» во сне с другими щенками, можно поохотиться на мамин хвост. Можно потявкать. Мама не

рассердится, обнимет, оближет, ткнёт мокрым носом. Ах, этот молочный запах! Если бы только братья и сёстры не оттесняли всё время от мамы. И этот их щенячий визг. Или писк? Ну, почему так громко? И оттесняют, оттесняют... Мама!

Фрося взвизгнула от обиды и вскочила. Взвизгнула ещё раз, теперь уже от боли. Как ни хороша хозяйская кровать, а уж очень она низкая. Вообще-то, это хорошо – проще запрыгнуть, когда удаётся разжалобить хозяев. А сейчас – плохо. Будет шишка.

Но почему же писк не прекращается? Фроська метнулась в комнату – так и знала, что нельзя Цыплёнка одного, без присмотра оставить! Подбежала к коробке и оцепенела от изумления. Сколько же их!

Цыплята пищали, карабкались друг на друга, прыгали, клевали борта коробки. И голосили, голосили... Но где же мой?! Фрося изумлённо всматривается в эту жёлто-серую, копошащуюся массу. Но вот собачий хвост дрогнул, еле заметно вильнул, заколыхался ещё и ещё – и вдруг взметнулся, забился радостно и победно. Вот же он, вот! Как же его можно спутать с другими!

Это уже потом Фрося узнала от Хозяев, что цыплят купили на той же птицефабрике. Вот кого там, оказывается, делают, а вовсе и не ворон. Но эти ещё крикливее, чем вороны. И хлопот доставляют не меньше. Но Фрося смирилась. Всё же это теперь её стая. А сгонять их вместе она уже натренировалась на Хозяевах – не впервой.

А у Цыпа началась совсем другая, самостоятельная жизнь. Выяснить, кто в коробке главнее, кто выше прыгнет, у кого голос звонче... Но уж в этом Фрося ему не помощница. Всё должно быть по-честному.

Но если совсем честно – замечательный петушок получился! Самый лучший! В этом Фрося не сомневается.

В.Н. Домничев

РОГДАЙ

Из самых ранних воспоминаний детства моя память хранит несколько ярких картин или фотографий. К ним всегда можно обратиться, подробно рассмотреть и отложить до следующего раза. Но за пределами картины – чистая стена, затем следующая яркая и подробная картина, затем снова – ничего, потом следующая. Между ними месяцы и, возможно, годы, а то, что на них – это лишь мгновения, но эти мгновения всегда к вашим услугам, они всегда готовы перенести вас туда, в прошлое, чтобы удостовериться, что вы – это вы, чтобы снова связать вас с теми людьми, которые были с вами и с которыми были

вы. Наверное, у всех людей память устроена так. Мы помним не непрерывную последовательность событий, а только некоторые наиболее яркие для нас моменты. Почему именно эти моменты стали для нас яркими и запомнились – кто знает...

Одна из этих картин такая: я еще очень маленький, только научился ходить. Бабушка держит меня горизонтально и пытается просунуть мою голову между прутьев спинки моей кровати. Я смеюсь и недоумеваю, неужели она не понимает, что я пошутил, когда на ее вопрос, как я выбрался сам из кровати, показал ей, что пролез между прутьями? Мне так весело. Неужели она не видит, что это невозможно? Но она в замешательстве, она сердится и все пытается проверить мою версию, не понимая, что я уже способен шутить. Что такое шутка? Это либо игра слов и словесный каламбур, либо парадоксальное суждение, связанное с обманом, который не приносит никому вреда. Игра слов мне еще не доступна, но я уже способен на парадоксальное суждение и знаю его назначение и правильное использование.

А дело все в том, что я стал по утрам непонятным образом выбираться из своей кровати и прибегать по длинному коридору на кухню. Сам я не помню, как я это делал, но кому-то удалось подкараулить и увидеть, как мне это удастся. Детская кровать, естественно, имела стенки, чтобы не позволить ребенку упасть. Передняя и задняя стенки были из металлических прутьев, а боковые – из сплетенных в клеточку веревок, как веревочный гамак. Так вот, оказывается, я цеплялся за эти клеточки руками и ногами, как по лестнице поднимался до самого верха, перебрасывал ноги одну за другой через металлическую трубку, державшую сетку, и так же спускался до низа сетки. Однако до пола было еще далеко. Тогда я отпускал руки и прыгал на ноги. Ноги были, конечно, недостаточно крепки, чтобы погасить удар, и окончательный амортизирующий и тормозящий эффект оказывала пятая точка или руки, в зависимости от расчетной траектории полета и нахождения центра тяжести.

Другая картина такая: я стою на стуле, и прямо передо мной на стене висит лист белого глянцевого картона. На этом картоне нарисованы четыре простых и лаконичных, но очень красивых графических знака, и почему-то я понимаю, что в этих знаках заключены глубокий смысл и какая-то мудрость. Так и хранила моя память эти знаки несколько лет, пока я не узнал, что таким образом был написан год на настенном календаре.

Вот еще картина: я ползаю по столу на одеяле, воображая, что я – очень мощный трактор, который бороздит снежные сугробы. И вот трактор немного промахивается, не замечает края стола, и я лечу с высоты стола и встаю прямо на голову. Конечно, не обходится без громких криков, мощности которых позавидовал бы и настоящий трактор.

По свидетельству очевидцев, у меня на лбу моментально, прямо на глазах вырастает шишка небывалых размеров. Но дальнейших подробностей на картине нет.

Примерно из того же времени и следующее воспоминание. Только оно похоже скорее не на картину, а на видеозапись.

Дело происходило летом на даче в Новостройке, так назывался поселок, в котором на лето мои родители снимали дачу для меня и бабушки. Было это в доме Никитиных, у которых росли две дочери – младшая Нина и старшая Валя. Про Валю я еще расскажу в дальнейшем, а сейчас мой рассказ про щенка.

Это был щенок дога, его звали Рогдай. Впрочем, имя его я узнал много позже, да на тот момент, может быть, у него еще и не было имени. Хозяева приобрели его совсем недавно. Он был очень маленький, рыженький, только недавно научился ходить. И я был очень маленький и тоже только недавно научился ходить. Из того лета не помню практически ничего. Помню только, что была у хозяев белая козочка, казавшаяся мне огромным животным размером с мамонта, и еще помню, что очень часто варили кисель и все угощали меня.

История со щенком, однако, запомнилась мне очень хорошо. Был прекрасный летний вечер, скорее всего суббота, потому что, помню, присутствовали и родители, а они приезжали только в субботу вечером после работы, так как рабочая неделя была шестидневной. Были и еще какие-то люди, наверное, соседи или знакомые. Все спокойно и вальяжно сидели во дворе перед домом, на каких-то скамейках или досках, тут же был и я. И вот откуда-то принесли этого щенка. Может быть, его в этот же день и приобрели, потому что я его до этого не видел, иначе я бы уже с ним познакомился и привык к нему, и ничего бы не вышло из того, что вышло. Но кто-то поступил неправильно и просто поставил щенка на землю передо мной. Я сейчас думаю, что, может быть, я собаку вообще видел так близко первый раз в жизни, а понятно, что ребенка нужно под присмотром взрослых знакомить с животными, объясняя, какие из них опасные, а какие нет. Щенок, естественно, в силу игривости возраста рванул ко мне. Для меня это было дикое и страшное, неизвестное мне животное сопоставимых со мной размеров, которое напало на меня. Естественно, я как мог, рванул от него в твердой уверенности, что разумные взрослые моментально поймут его и обезопасят меня от нападения. Каково же было мое изумление, когда никто из взрослых не только не ринулся меня спасать от опасности, но все как-то развеселились и стали смеяться, наблюдая, как животное гонится за мной. Тогда я стал бегать кругами, чтобы у них было время и возможность одуматься и меня спасти. Но им становилось все веселее, и никто не двинулся с места. Щенок передвигался с такой скоростью, что, по счастью, не мог меня догнать, но и я передвигался с такой

скоростью, что не мог от него убежать. Я понял, что устаю и долго бегать не смогу. Тогда я стал кричать, чтобы они, наконец, поняли, что мне угрожает огромная опасность, но в ответ услышал что-то вроде: «Не бойся, не бойся, он хороший». «Да что ж они все, обезумели, что ли?» – подумал я. Надо было что-то делать самому, надеяться на этих безумцев не приходилось. Тогда, пробегая очередной круг, я заметил, что на моем пути находится поленница дров. Я уже знал, что буду делать на следующем круге и, пробегая в очередной раз мимо этой поленницы, я на ходу развернулся, схватил первое попавшееся полено и, не удержав его в руках, с разворота метнул назад. Оглянувшись в следующий раз, я увидел, что преследование прекращено. «Все, спасен» – подумал я с невероятным облегчением.

Но теперь почему-то всем стало не до смеха. Не знаю, куда я ему попал, но щенок лежал на боку и не двигался. Меня стали в чем-то упрекать и даже как бы ругать. Постепенно до меня дошло, в чем меня упрекают. Оказывается, по их мнению, я несколько превысил допустимые пределы обороны и, возможно, остановил бег щенка слишком радикальным образом. Что же это, им его жалко, а меня – нет? Разве не в ваших силах было прекратить преследование менее радикальным способом, без использования полена, разве вы не слышали, что я просил вас об этом? «Истинно безумные, жестокие и бессердечные люди, – подумал я. – Неужели им всем это агрессивное, дикое животное дороже, чем я?»

Никому как-то в голову не пришло, что ребенок испытал огромный стресс, и, кроме как поругать его, никто ничего лучше не придумал. Через некоторое время и мне стало жалко собачку, после всего произошедшего я чувствовал себя не очень хорошо. К вечеру, однако, мне сказали, что щенок очнулся, снова ходит, пьет молоко, в общем жив-здоров. Ну и мне как-то стало легче. В дальнейшем, в течение всего лета, я больше почти не видел щенка. Его поместили где-то в таком месте, что мы не встречались. Видимо, хозяева собаки поняли, что шутить со мной в таком деле больше не стоит.

На следующее лето мы снимали дачу уже у других хозяев, и вот как-то решили пойти в гости к Никитиным. Я уже и забыл к тому времени про Рогдая. Но на подходе к дому мне сказали, что вот, кстати, посмотришь на того самого щеночка, которого ты огрел поленом. Когда мы зашли за забор, я первым делом увидел огромного рыжего «коня» с устрашающей мордой, который стоял и добродушно помахивал тонким длинным хвостом. Подойдя к нему поближе, я обнаружил, что едва достаю ему до груди, а высоко в небе мотается его голова со слюнявыми губами. Вот это да! Я не мог представить себе, что они так быстро растут. «Конь» продолжал весело и дружелюбно махать хвостом, и даже сделался как-то особенно сдержан и деликатен в движениях, видимо, понимая, что перед

ним ребенок и нужно быть очень осторожным и аккуратным. Одно из двух, подумал я, либо у собак очень плохая память, что, впрочем, очень хорошо, либо собаки – это благородные и великодушные существа, достойные уважения.

Может быть, после этой встречи, не могу сказать точно, но вскоре я всем сердцем, всей душой полюбил собак. Я буквально в каждой собаке видел своего друга, не испытывал ни малейшего страха ни перед одной из них, даже самой дикой и самой злобной. Я даже не понимал, как это может быть, чтобы другие люди боялись собак. И, как это ни странно, мою искреннюю любовь и уважение собаки, видимо, так хорошо чувствовали, что самые злобные псы, которые на всех бросались, при моем появлении сразу успокаивались и проявляли полное дружелюбие. Это даже замечали другие люди. Видимо, собаки понимали, что я их действительно люблю и совсем не боюсь, и это их обескураживало. С Рогдаем мне подружиться не довелось, зато вскоре у меня появился другой четвероногий друг, но об этом следующий рассказ.

В.Н. Домничев

СНЕЖОК

После встречи с выросшим Рогдаем я очень полюбил собак. Мне необыкновенно хотелось иметь свою собаку, и я долго и упорно просил родителей купить мне ее. Собаку мне не купили, аргументировав это тем, что невозможно держать ее в коммуналке в одной комнате. Конечно, это была чистая правда, но мне от этого было не легче.

И вот, внезапно и неожиданно, летом у меня вдруг появилась собака. Правда, она была чужая, но это было не так важно, ведь она стала не моей собакой, а моим другом. Собаку, которую я стал считать самым верным моим другом, звали Снежок. Это была лайка абсолютно белого цвета, и принадлежал Снежок семье пожарного дяди Саши. Когда Снежок появился у них и зачем был нужен, не знаю. Толку от него не было никакого. Он целыми днями бегал, где хотел, и прибежал только на ночь, на обед и когда я кричал: «Снежок! Снежок!». Бывало, позову его и вижу, что несется он по дороге с дальнего хутора или из леса, и по времени, прошедшему от начала моего сигнала до его появления, было понятно, бежит он издалека. Я всегда удивлялся его слуху.

Самое интересное, что не было ни одного случая, чтобы я его звал, а он не прибежал, независимо от того, где он находился. Из этого факта я сделал вывод, что он самый верный мой друг. Конечно, прибежал он не просто так. Он прекрасно знал, что, если я его зову, значит у меня в руках какая-нибудь кожура от сарделек, или косточка из супа, или кусочек сахара, или даже сэкономленная сарделька.

Впрочем, он прибежал не только для того, чтобы что-нибудь съесть. Он очень много времени проводил со мной. Мы просто бегали вместе, я пытался его дрессировать и учил выполнять команды. Поскольку дрессировать собак я не умел, то больших успехов не добился, но Снежок умел служить, то есть вставать на задние лапы и довольно долго на них стоять, причем весьма охотно, особенно при виде сахара или сардельки. Он давал лапу, приносил брошенную палку. Пожалуй, всё. Любил Снежок принимать участие в игре в бадминтон. Он бегал за воланом, глядя вверх, от одного игрока к другому в надежде, что волан упадет на землю. И, когда тот действительно падал, мгновенно подбегал к нему и тщательно проверял, не стал ли волан за время полёта сахарным или не появилась ли в нем сосиска. Обнаружив, что ничего этого не произошло, он не терял надежду и откладывал проверку до следующего падения волана. Вообще, он был очень весёлым и игривым псом, всегда был рад побегать, повертеться, погоняться за чем-нибудь. У меня была игрушка – действующий вертолет. Он был устроен очень остроумно. Легкий пластмассовый корпус имел ось, на которой были закреплены настоящие лопасти винта. Снизу эта ось имела специальное крепление, которым вставлялась в ручной стартер. Стартер тоже имел ось, на которой была намотана леска. Принцип действия стартера заключался в том, что, когда запускающий держал его одной рукой, а другой рукой рывком выдергивал на себя леску, она придавала вращение оси стартера, и это вращение передавалось на винт вертолета, и он взлетал и летал до тех пор, пока винт крутился по инерции.

Таким образом, чем сильнее дернешь леску, тем выше взлетит вертолет. За этим вертолетом Снежок тоже любил бегать, хотя несколько побаивался вращающегося винта.

И вот однажды мы со Снежком бегали и играли около дома, и тут его позвала хозяйка, тетя Маша, которая в свое время давала еду поросенку. Снежок тут же рванулся к ней, причем с таким усердием, с каким ко мне никогда не бегал.

Мне как-то сразу стало обидно. Какая же это верная дружба, если он по первому зову просто испарился и пропал за углом? Тогда я тоже позвал его, чтобы дать ему возможность вернуться и реабилитироваться. Он прибежал, но хозяйка снова позвала его, и он снова убежал. «Что же она не дает нам дружить?», – подумал я и снова его позвал. Он прибежал, но уже как-то неохотно, и, увидев, что у меня ничего нет, развернулся и ушел. Я снова позвал его, и тут в первый раз в жизни он не появился, хотя находился рядом за углом. «Что же это все значит?», – подумал я и решил сам пойти туда и узнать в чем дело. Когда я подошел к соседскому сараю, Снежок спокойно ел из своей миски и не обращал на меня внимания. Я, конечно, расстроился и даже обиделся на своего друга. Но потом, немного подумав, я понял, что просто не нужно подвергать дружбу слишком большим

испытаниям и не нужно требовать ни от человека, ни от собаки того, что они не способны сделать.

Конкурс Историй 2011. Фото участников.

РАССКАЗЫ О ДРУГИХ ЖИВОТНЫХ

ЗАБОТЛИВАЯ ФЕНЯ

Разве это кошка? Неторопливый шар меха с виновато торчащей трубой-хвостом появлялся иногда передо мной, потом вдруг куда-то пропадал. А вот глаза, да... Страшновато в них смотреть, столько в них увидишь. Даже не по себе, как будто всё понимает. Мне по душе кот Кеша: черно-белый, ловкий, задумчиво глядящий куда-то, нет-нет, ни в коем случае ни в глаза человеку. Передние лапы ровно как по струнке вытянул вперед, прямо-таки внимательный ученик за партой. Красавец! И погладить разрешает, не то что Феня.

Мы жили в деревне с двумя девочками 12-ти лет далеко от города, можно сказать в глуши. За продуктами нужно было ехать за 20 км, а сначала пройти 4 км до автобусной остановки. Раз в неделю нам привозили продукты. Но в этот раз машина сломалась, и мы

растягивали оставшиеся у нас запасы. И четвероногим друзьям нашим оставалось продуктов все меньше и меньше.

И вот этот день настал. Я собираюсь ложиться спать, подхожу к кровати и... (А за день так набегаешься: то воды из колодца принести, то во дворе убрать, а обед, а поговорить, а сходить с девочками на озеро?) Радуюсь заслуженному отдыху, неторопливо подхожу к кровати... А-а-а-а!.. У кровати крыса... Искоса на меня смотрит Феня. Как будто бы это не она, но ясно – она. И явно ждет, что я её поблагодарю, обрадуюсь... Выкидываю «гадость» на помойку... Вздыхаю. Дети прибегают меня утешать.

На другой день я решила прилечь днём. Подхожу к кровати... На подушке! Лежит задушенная крыса! Феня, конечно, рядом. Стараюсь заглянуть в ее глаза. Но мне это не удается. Кошка явно ждет моей похвалы. Кричу. Не так громко, как накануне. Дети утешают. Выбрасываю крысу. Делаю Фене внушение. Спать расхотелось совсем.

Да-а-а...

На другой день я чистила во дворе картошку. Феня проходила недалеко, как-то поумному взглянула на меня... Скрылась в высокой траве... Ушла то ли в лес, то ли к соседям... Вижу – к соседям: берет в зубы яблоко (падалицу) и несёт ... мне. Складывает у моих ног... И ещё... Ещё... Горка яблоч собралась у моих ног.

«Фенечка, да какая же ты умная кошка! Как я тебя люблюю», – мне удастся чуть коснуться пушистой длинной шерсти (не шерсть у кошки Фени, а пух!), и вот уже Феня исчезла. Как не было. Нет, вот она (как будто телепортировалась). Издалека кошка Феня похожа на яблоко... Яблочко ты мое, Фенечка!

Эскиз Сергея Осипова

ЗАПИСКИ ДИЛЕТАНТА

Орлик

Это всё из-за моей дурацкой привычки опаздывать! Так мне и надо!

Я стою на пороге денника, не решаясь войти, и смотрю на жуткое косматое чудовище. На двери табличка, извещающая, что чудовище зовут ласковым именем «Орлик».

Когда тренер отправила меня к Орлику, я решила, что наказана. Меня хотят «унизить», посадив на пони. Так всегда поступали с опоздавшими. И вовсе не потому, что вздорный характер лошадки-карлика должен был стать педагогическим рычагом в деле привития наездникам похвальной привычки приходить на занятия вовремя. Просто в группе было столько человек, сколько лошадей в конюшне, а пони – тоже лошадь.

И вот теперь я топталась на пороге и жалела, что Орлик не пони.

О, нет! Орлик точно не пони! Передо мной стоял огромный гнедой мерин-тяжеловоз, обросший густой шерстью. Длинная чёрная грива не могла скрыть мощи шеи и плеч. Крепкие ноги словно бы поросли мхом, ниспадавшим широкими кистями от нижних суставов к копытам устрашающего размера.

Конь обернулся на скрип двери, мельком взглянул на меня, потянулся было губами к моему карману, но, почуяв мой страх, деликатно отвернулся, сделав вид, что никого не заметил. Про деликатность – это я потом поняла, а тогда решила, что он повернулся, чтобы удобнее было поддать копытом.

– Господи, ну зачем мне эта школа верховой езды?! Ходила бы себе в группу проката. Подводили бы мне аккуратную, уже почищенную, взнузданную и осёдланную лошадку. Ещё бы и скамеечку подставили, чтобы удобнее было садиться!

Мысленное созерцание себя, сающейся со скамеечки на лошадь, отрезвляющим ушатом ледяной воды вернуло мне способность действовать. Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, я шагнула через порог.

– Здравствуй, Орлик! – заискивающе проворковала я, но, почувствовав неверность тона, перешла на непринуждённо-панибратский. – Хоро-о-оший конь!

Я уже было собралась небрежно похлопать его по шее, но в этот момент он вежливо развернулся ко мне. Лучше бы он этого не делал. Я оказалась прижатой к стенке денника, а спасительная дверь, предусмотрительно оставленная мной открытой, была

преграждена могучим телом. Правильный тон нашёлся сам – я жалко пискнула и, рефлекторно нырнув под брюхо великана, вылетела из денника вон.

– А, скребок забыла? – догадалась тренер, – вон там – в каптерке возьми. И не забудь перед выходом в манеж хорошенько помассировать ему бабки.

Но, оторвав глаза от седла, над которым она только что колдовала, и профессионально оценив мою дремучесть в вопросе анатомии лошади, пояснила:

– Бабки – это нижняя часть ноги между копытом и суставом.

– А что это он такой лохматый? – спросила я, стараясь держаться легко и независимо.

– Так, зима. Оброс.

– А пони уже занят? – мой голос предательски дрогнул.

– Придёшь в следующий раз позже – сядешь на пони! – припугнула меня тренер. – Всё, хватит болтать! Седлать пора, а ты его ещё не почистила и не взнузда! Да, когда оседлаешь, не давай ему наклоняться – заподпружится.

На всякий случай, я не стала уточнять, что это значит. Как я могу что-то позволить или не позволить этакой громаде? Вопрос ещё – что он позволит мне?

Прихватив скребок и уздечку, я поплелась к своему деннику.

Орлик что-то меланхолично жевал. Он удивлённо взглянул на меня, озадаченный необычным стилем общения. Но его движение в сторону моего кармана, наконец, напомнило мне о сухариках, припасённых для угощения, и от страха благополучно забытых.

Как только мягкие, бархатные губы коснулись моей ладони – страх ушёл. Я осторожно погладила шелковистый нос кончиками пальцев. Конь тихонько (чтобы меня не спугнуть) фыркнул, передёрнул мохнатыми ушами и снова потянулся к карману.

– Ну нет, дорогой, для знакомства – хватит! Сначала – чиститься! – я решительно шагнула через порог, провела ладонью по крутой шее и, вооружившись скребком, приступила к чистке. Щётка, скользя по густому меху как по дороговому ковру, оставляла на спине и боках коня ровные блестящие дорожки. Увлёкшись процессом, я привычно нырнула под брюхо, чтобы почистить другой бок, и только когда он переступил, давая мне место, вспомнила о мощных копытах. Случайно наступит на ногу, и – прощай, верховая езда. Но всё прошло гладко. Правда, пару раз Орлик всё же вминал меня в стенку, но злого умысла в этом не было. Просто денничок мелковат.

И вот – мы готовы! Конь вычищен, бабки помассированы, копыта отполированы, грива расчёсана. Даже подпруги затянуты, как надо. Орлик не унился до того, чтобы надуться в момент затягивания подпруг, как это делали многие лошади в конюшне.

– Ну что, может теперь на пони? – хитро подмигнула мне тренер, когда мы гордо прошествовали в манеж.

– Нет, спасибо, я уже вошла в роль Ильи Муромца. На Санчо Панса перестраиваться времени нет.

Когда в следующий раз, придя на занятия пораньше, я отказалась от элегантной Звёздочки и попросила Орлика, тренер удивлённо вскинула брови, но согласно кивнула. Свирепый вид коня отпугивал «амазонок», так что конкуренток у меня не было, и в нашей группе Орлик стал считаться моим.

Левый шенкель, правый шенкель...

– Левый повод, левый шенкель! Через середину марш! – по команде инструктора лошадиный строй пересекает манеж по диагонали, разворачивается и движется по кругу в обратном направлении. Рыжий круп Звёздочки, маячивший передо мной в течение последних пятнадцати минут, сменился на серый в яблоках – Вьюна. По кругу, по кругу, по кругу...

Занятия по выездке мне нравятся. Выездка – это вам не вольтижировка! Вольтижировка – наш постоянный кошмар! Когда-то, в детстве, я видела в цирке, как горячие кавказские джигиты на полном скаку танцевали лезгинку в седле, проваливались под брюхо несущегося коня, чтобы в следующее мгновение вынырнуть с другой стороны, притворно падали и летели следом за скакуном, зацепившись ногой за стремя...

Нет, лезгинки мы, конечно, не танцевали. Но почему «конь» в спортивном зале называется «конём» – поняли. Просто и на том, и на другом выполняют похожие упражнения. Вот когда я пожалела, что Орлик не пони! Падать – высокогато! С другой стороны, его просторная спина давала ощущение надёжности и «комфорта». Как диван. Сделать ножницы над холкой с переворотом вокруг собственной оси в воздухе и приземлиться (или прикониться?) задом наперёд на широкую спину было, без сомнения, приятнее, если, конечно, это слово здесь уместно, чем балансировать на тощей спине поджарой лошадедки. К тому же, можно быть совершенно уверенной, что Орлик во время моего нахождения в воздухе не уйдёт пощипать травки на соседнем лужке, а наверняка дожждётся возвращения седока.

В общем, непростое это дело – вольтижировка! Одна из наших подруг по несчастью, совершив тот самый переворот в воздухе, так испугалась во время полёта, что наотрез отказалась возвращаться в нормальное положение. Так и поехала в конюшню задом наперёд, как её ни убеждали, что обратный разворот легче.

Другое дело выездка. Главное – слушать указания тренера. Левый повод – правый шенкель, правый повод – левый шенкель. Анатомию лошади я уже освоила. В общих чертах. Но, видимо, существует ещё и анатомия всадника. Мне всегда казалось, что шенкель – это какая-то конская принадлежность. А вот и нет! Красивое слово «шенкель» означает всего лишь ногу всадника от колена до пятки. А команда «шенкель» – что наездник должен «лягнуть» этой самой пяткой лошадь. У лошадиников есть такой термин – «послать». В общем, всё просто, почти как на велосипеде. Лево руля, право руля, тормоз.

Управление мы уже освоили. Переходим к выездке.

– Что такое выездка? – вопрошает тренер. – Выездка – это лошадиный балет!

(Представляю себе легко вальсирующего Орлика – пачка... пуанты... бантики в волосах... Ой, то есть гриве. Душераздирающее зрелище!)

– Танцевать вы должны в паре, – продолжает наш гуру. Со стороны – лошадь выполняет фигуры, а наездник сидит неподвижно. Чем точнее вы будете посылать лошадь (работать поводом, шенкелями, смещением центра тяжести собственного тела), тем точнее она будет выполнять фигуры.

И снова – по кругу, по кругу, по кругу... Тренер расхаживает в центре манежа и, постукивая хлыстиком по высокому голенищу хромового офицерского сапога, даёт команды. И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три... Батман, гранд батман, фуэте... Ой, нет, ну конечно же – левый повод – правый шенкель, правый повод – левый шенкель...

Ах, какая я молодец! Я прирождённая наездница! С первого раза легко и непринуждённо посылаю коня так точно, что он выполняет именно те фигуры, какие требуется. Понимает меня с полуслова. Вернее, с «полушенкеля».

Орлик то вышагивает, как на параде, высоко вскидывая ноги, то пятится назад, то «танцует» на месте, то переходит на «подиумный» шаг, выставляя ноги одну перед другой крест-накрест, как заправский манекенщик. Я гордо окидываю взглядом остальных наездников – у кого-то получается, у кого-то не очень. Ну, я-то умею побольше их! У меня опыт.

Впервые я села на коня в Грузии. Вспомнилось, как при виде меня грузинские мужчины прищёлкивали языками: «Вах! Родилась в седле!». Конечно, они были правы! Наверное, есть во мне какие-то гены, в крови что-то...

Я уношусь в воспоминаниях в Грузию... Горы, виноградники, золотые каньоны. Мы живём в хижине пастуха в Горном Саирме. Мой первый конь – Квесия. Над нами, а иногда и вокруг нас – только облака. Рано утром выезжаем на верховую прогулку в горы. Мягкая, влажная вата окутывает всё вокруг, обнимает за плечи, застилает глаза. Бр-р-р... Вижу только уши Квесии. Приходится безоговорочно верить коню и инструктору. Надеюсь, они знают дорогу. Но скоро облако, пропитываясь солнечным светом, наполняясь до предела его сиянием, эйфорически растворяется, не выдержав эмоционального накала, и... Нет, мы испытываем не восторг от открывшегося вдруг волшебного пейзажа. Мы испытываем ужас!!! Под ногами наших лошадей – узенький перешеечек, ниточкой протянутый над пропастью. Я уже не верю ни коню, ни инструктору. Господи, где ты?! Ну, зачем мне эта верховая езда?! Кто меня потянул в эти горы?!

Ой, а что это за команду дала сейчас инструктор? Какой повод? Какой шенкель? Я слишком увлеклась воспоминаниями о Грузии и прослушала команду. Но что происходит? Орлик меняет шаг и сам переходит на какую-то другую фигуру. Да, он идёт так же, как все. Это что же получается? Он сам понял команду инструктора?

Я бросила стремя, отдала повод и, расслабившись, дала ему полную волю. Сомнения рассеялись. Орлик в с ё делает с а м! Без моих дурацких команд!

Что же это получается? Никакой я не прирождённый наездник? Никакие не гены?.. Спесь слетела с меня, испарившись, как то облако при встрече с солнцем.

Спасибо, Орлик! Я знаю, гордыня – самый тяжкий из грехов.

Так что там говорит инструктор? Какой, какой шенкель?..

В.Н. Домничев

Поросенок

Наше озеро, на берегу которого располагался пионерский лагерь и проходила железная дорога, называлось Раздолинское. Оно и сейчас, конечно, существует и так же называется, только, говорят, сильно обмелело и потеряло чистоту и прозрачность своей воды, а вместе с ними и бесконечные заросли лилий и кувшинок. Не стало и пионерского лагеря вместе с пионерами. Железная дорога, впрочем, осталась.

...В тот год мы снимали комнату у милейших людей – Веры Васильевны, которая работала учительницей младшей школы, и ее мужа – дяди Юры, который работал шофером. Школа находилась тут же прямо за забором и представляла собой одноэтажное

кирпичное здание послевоенной постройки с очень толстыми стенами, способными, вероятно, выдержать прямое попадание снаряда. Каждое лето в эту школу приезжал из города детский сад, и здание продолжало жить шумной летней жизнью. Для детей строили многочисленные песочницы и несколько рядов ручейников, чтобы утром или перед едой сразу большая группа детей могла помыть руки. Посещение этой территории посторонними детьми не приветствовалось, чтобы воспитатели не запутались, ну, я туда и не ходил.

Дядя Юра одно время работал водителем рейсового автобуса, что служило для меня предметом особой гордости. В то время водители автобусов имели специальные водительские фуражки с кокардой. Это придавало им особую значимость в глазах окружающих и их собственных. Сразу и издалека было видно, что идет не кто-нибудь, а водитель автобуса, человек, которому доверена ответственность за безопасное передвижение многих людей и почетное право управлять мощным и современным транспортным средством – автобусом. Кроме того, обладатель такой фуражки в нерабочее время имел право бесплатного проезда в автобусе, что приравнивало его по статусу почти к народному депутату. Но и это еще не все. Дядя Юра был немного похож на Юрия Гагарина, а в смысле имени так был просто тезкой. Бывало, когда мы с бабушкой ехали в соседний более крупный поселок по своим надобностям, например, в баню или в универмаг за покупками, иногда оказывались в том автобусе, которым управлял дядя Юра. Этот человек за рулем в форменной фуражке, приравненный почти к депутату и похожий на Юрия Гагарина, оборачивался в салон, ласково смотрел на меня и с улыбкой здоровался.

«Вот так», - думал я про себя, гордо озираясь по сторонам, - «видели, с каким человеком я знаком?»

Потом дядя Юра ушел из автобусного парка и пересел на полторатонный грузовик, с которого уже и не слезал, не слезал в прямом и переносном смысле. Этот грузовик никогда не находился в гараже, а всегда стоял около нашей калитки. Иногда, впрочем, дядя Юра на нем ненадолго уезжал на работу, говорят, что-то возил, но большую часть времени он использовал грузовик в качестве личного автомобиля. Водил он его виртуозно, устраивая на песчаной дороге контролируемые заносы на огромной скорости с целью извлечь из дорожного полотна максимальное количество пыли, и этим окончательно добился того, что стал моим кумиром по части экстремального вождения, в чем я без усталости подражал ему при вождении велосипеда.

Даже подъезжал к своей калитке он всегда на большой скорости и нажимал на тормоз в последний момент, с таким расчетом, чтобы грузовик на траве слегка занесло и

он припарковался дверью кабины точно напротив калитки, чтобы запятая спрыгнув с подножки кабины оказаться прямо на тропинке, ведущей в дом.

Он ездил на грузовике за хлебом в магазин, в лес за грибами, за водой на колодец или на озеро, в клуб на киносеанс и каждый вечер на озеро купаться. Моя бабушка частенько говорила ему: «Юра, ты скоро в туалет на машине ездить будешь». Дядя Юра каждый раз выслушивал это пророчество с грустной задумчивостью. По нему было видно, что он всерьез анализирует в уме такую возможность. На озеро я всегда ездил с ним, но не купался, а сидел в кабине, наслаждаясь запахом горячего бензина и видом замысловатых круглых приборов со стрелками на передней стенке. Один из них был спидометр, измеряющий скорость, другой показывал количество оставшегося топлива. Были еще какие-то тумблеры и ключ зажигания, которые, наряду с запахом бензина, роднили, как мне казалось, кабину грузовика с кабиной космического корабля.

До озера было проще дойти, чем доехать, до него было, наверное, метров 50.

Нужно было просто выйти из калитки, перейти поляну, по которой удирал от меня петух во время нашего исторического противостояния, перейти дорогу и спуститься по тропинке под горку. Спускаться, а тем более подниматься по тропинке по сильно пересеченной местности на полутонном грузовике, было чрезвычайно сложным делом, которое было под силу только такому асу вождения, как дядя Юра. На обратном пути, перед тем как дать в гору полный газ по ухабам и корням, торчащим из земли, он всегда предупреждал меня, чтобы я очень крепко держался за что-нибудь, чтобы не пробить головой потолок кабины. Нередко он сам врезался в потолок головой. Каждый раз я был не уверен, что завывающий, как дикий зверь, двигатель вытянет грузовик в гору из очередного ухаба, и каждый раз он к моему удивлению и восхищению вытягивал.

Иногда дядя Юра брал с собой пустое ведро, чтобы привезти с озера хотя бы полведра воды, но эта затея регулярно проваливалась, и приходилось ехать за водой на колодец. Если бы бабушка видела, как мы возвращаемся с купания, никогда больше не отпустила бы меня. Я, однако, проникся уважением к автомобильной мощи и решил проверить, есть ли все-таки у неё пределы. С этой целью я нашел небольшую деревянную чурку и подложил её под заднее колесо грузовика, когда тот стоял у калитки. Далеко я не отходил и наблюдал, когда дядя Юра поедет куда-нибудь. Было интересно увидеть, сможет ли грузовик преодолеть чурку без разгона, только за счет силы крутящего момента двигателя. К моему удивлению, грузовик без малейших затруднений переехал чурку и повёз своего хозяина в магазин. Тогда в следующий раз я подложил чурку уже гораздо больше, но и её, правда, несколько напрягшись, грузовик преодолел. В третий раз я взял приличных размеров полено и подпёр им колесо со стороны предполагаемого движения.

Когда дядя Юра сел в кабину и нажал на газ, грузовик взвыл мотором, но перескочить полено, стоящее вертикально, всё-таки не смог. Тогда, заподозрив неладное, дядя Юра вышел из кабины, осмотрел автомобиль, заметил подпиравшее колесо полено, ногой выбил его и, укоризненно покачав головой, уехал за грибами. Таким образом, я в результате натурального полномасштабного эксперимента определил пограничные возможности грузовика по преодолению препятствий без разгона. Немного огорчило меня только то, что дядя Юра, наверное, подумал, что мои действия были вызваны банальным детским желанием пошалить или, еще того хуже, сделать ему неприятность, в то время как мной руководил сугубо научно-исследовательский интерес по изучению возможностей отечественных автомобилей.

Еще в нашем посёлке была пожарная часть. Там в гараже стояли красные пожарные машины, сколько их было, не знаю, но было несколько. Среди них была одна или две машины ЗИС повышенной проходимости, которые казались мне чудом техники. Все три моста у них были ведущими. Они имели высокую посадку и шины с протектором в виде ёлочки для лучшего сцепления с мягким грунтом. Всё это объяснил мне сын того пожарного дяди Саши, с которым мы мастерили самострелы для борьбы с петухом. Самое интересное было то, что воду пожарные машины набирали прямо из озера.

Для этого с берега в озеро были построены специальные деревянные помосты, наподобие тех, к которым привязывают лодки, только шире, чтобы на него могла въехать машина. И вот пожарная машина, медленно пятясь, въезжала на этот помост и останавливалась прямо над озером. Затем она опускала в озеро шланг, включался насос, и баки заполнялись водой. Со стороны машина напоминала осторожного и неуклюжего жука или огромную красную бабочку, присевшую на лепесток цветка и опустившую в каплю воды свой хоботок. Заполнив баки водой и став тяжелее раза в два, эта красная бабочка еще осторожнее съезжала с помоста на берег и с напряжением взбиралась вверх по жёлтому песку, оставляя на нем глубокие и чёткие следы.

Так вот, дядя Саша работал именно в этой пожарной части. Он был не простым пожарным, которые одеты в брезентовые куртки и ездят на машине с большой скоростью, а каким-то небольшим начальником. Несмотря на это, он всё равно был подвержен тому же недостатку, которому, как принято думать, подвержены большинство пожарных. Мне это стало известно следующим образом.

Однажды, стоя в огороде, я увидел дядю Сашу, вышедшего на свое крыльцо. Он как-то странно держал ладонь своей правой руки. Ладонь и пальцы были округлены таким образом, как будто он держал в руке теннисный мяч. Однако никакого мяча не было, а рука была приставлена к его правому глазу с таким расчетом, чтобы через раздвинутые

пальцы он мог обозреть этим глазом белый свет. Другие люди видеть область на его лице, окружающую глаз, как ему казалось, не могли. При этом он, обращаясь к своей жене, произнес историческую фразу, которую ему припоминали потом со смехом много лет: «Мария, ты поросенку-то еды дала?» В ответ он услышал не менее историческое: «Дала, дала, будет мало, ещё дам!». Смысл этой мизансцены разъяснила позже бабушка, не мне, впрочем, но я тоже слышал. Оказывается, вчера дядя Саша пришел домой со службы в неподобающее время и в неподобающем виде. Жена, осерчав на это, сжала свою руку в кулак и, придав кулаку достаточную скорость и необходимое направление, обеспечила его скорейшую встречу с дяди Сашиним глазом. Результатом этой встречи явился крупный синяк, который дядя Саша и пытался скрыть под ладонью. Долго после этого соседи покатывались со смеху, к месту и не к месту повторяя: «Мария, ты поросёнку-то еды дала?»

Поросёнок этот, которого я, кстати сказать, и хотел сделать главным героем рассказа, ничего особенного не совершил и ничем особенным не отличился, кроме одного. Он дал мне богатую пищу для размышлений о том, что не все так просто оказывается на самом деле, как кажется на первый взгляд, а излишняя самоуверенность в совокупности с недостаточным знанием проблемы и слабой подготовкой может дать плачевный результат. Жил этот поросенок в сарае, к которому был пристроен деревянный загончик, представлявший собой забор, врытый глубоко в землю. Видимо, Мария всё-таки дала поросёнку недостаточно еды, а, может быть, он просто отличался необычно игривым и любопытным нравом и по этой причине прорыл под забором подземный ход на довольно значительную глубину. Как только он мог знать, что забор под землей когда-нибудь закончится! Через этот ход он и убежал, вернее, просто выбрался наружу и никуда далеко не уходил, не видя пока разницы между нахождением внутри забора и снаружи.

Естественно, как только это заметили, появилось желание поместить его обратно. Но как это сделать? Тут я подумал, что просто подойду к поросёнку, поймаю его и отдам благодарному дяде Саше. Поросёнок был совсем маленьким... В целом поросёнок выглядел, как и положено поросёнку, как розовый неуклюжий бочонок на тоненьких и коротеньких ножках. Было невозможно предположить, что он может проявить какую-то скорость или увертливость. Тем не менее, было решено собрать побольше народу, чтобы он не просочился случайно между руками. Собралось, наверное, человек пять, включая меня, и вот все окружившие поросёнка люди стали медленно подходить к нему, опустив расставленные ладони до самой земли. Не доходя до него пару шагов, каждый подумал, что пора, и все одновременно кинулись на него, пребывая в полной уверенности, что именно он сейчас схватит поросёнка руками, и на этом дело закончится. Поросёнок

подумал, что с ним играют, или, может быть, догадался, что ему что-то угрожает. Тут розовый бочонок моментально преобразился в маленького, но дикого кабана. Он в мгновение ока совершил столько прыжков, поворотов и других технических действий, сколько Евгений Плющенко не совершает за целое выступление. Никому не удалось, не только схватить его, но даже дотронуться. Вот тут я снова имел случай убедиться в колоссальном физическом и спортивном преимуществе представителей животного мира над человеком. Впрочем, далеко он убежать не собирался, а с любопытством наблюдал, что будет дальше. Тогда были собраны все свободные на тот момент люди для помощи в поимке беглеца. Неоднократно его прижимали хвостом к забору, окружали целой кучей народа, бросались на него сверху всем телом. Казалось, что невозможно проскочить сквозь частокол рук, но мощь, реакция и скорость его были таковы, что каждый раз он с легкостью уходил от людей. Так я с удивлением узнал, что не всяк тот неуклюж и глуп, кто неуклюжим и глупым кажется, и не всяк тот проворен и умен, кто про себя так думает.

Конечно, человеческий гений в результате пересилил, поросёнка все-таки поймали, кажется, набросив на него сетку, но все вышло не так просто, как всем казалось.

Н.В. Румянцева

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ...

Беседы о животных всегда вызывают искренний интерес и множество вопросов. Можно направить беседу, например, так:

«Давайте поговорим. Вы прочитали рассказы о животных. Написаны они людьми разных профессий и разного рода деятельности. Все рассказы правдивы и, как говорят, основаны на реальных событиях. Это обстоятельство и позволяет вам, уважаемый читатель, вступить в воображаемый диалог с авторами, погрузиться в свои воспоминания, определить своё отношение к прочитанному, к миру живой природы».

1. Какие рассказы понравились больше остальных? Что произвело особенное впечатление? Какие образы, мысли, наблюдения не оставили вас равнодушным?
2. Вспомните свои самые яркие встречи с животными (дикими, домашними). Чем они запомнились? Какие чувства вызвали? На какие размышления навели?

3. Есть ли сейчас в вашем доме питомец? Если «да», то при каких обстоятельствах он появился у вас? Влияет ли его присутствие на климат в вашей семье? На взаимоотношения с близкими, в частности с детьми? Как?
4. Какую роль играют родители, вообще взрослые в выстраивании отношений ребенка (детей) и животных (живой природы)?
5. Как вы считаете, важно ли присутствие в доме кошки, собаки, других питомцев? Почему?
6. Как вы думаете, характеризует ли человека его отношение к животным? Как?
7. Есть ли у вас друзья, знакомые, любящие животных? Как проявляется, в чем выражается их отношение к животным, к миру живой природы?
8. Стоит ли брать домой бездомное животное? Почему вы так думаете? Случалось ли вам помогать бездомным животным?
9. Что вы могли бы предложить, чтобы не было конфликтов между владельцами животных и горожанами, не имеющими домашних питомцев?
10. Что нужно сделать, по вашему мнению, чтобы животным и их хозяевам было комфортно в городской среде?
11. Какие вопросы задали бы вы?

Мой вопрос:

«Кто назвал реки и озера «глазами земли»? Кто сказал: «весна света»? Кто назвал торфяные болота «кладовыми солнца» и говорил о «бездонной нежности зверей»?

(Да, М. Пришвин!)

ШЕСТОЕ ЗАНЯТИЕ В ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ:

«МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ»

*Кто-то умный когда-то сказал: «Россия соткана из двух миров –
из мира дивной природы и мира уникальной культуры.
Когда их не будет, не станет и России» (из Интернета).*

*Отношение к животным,
умение устанавливать с ними контакт (или избегать взаимодействия) –
шаг к культуре общения с миром живой природы,
уважение природного в себе и умение им управлять,
рождению нового целостного мировидения.*